Лоес Моррен

БОЯРЫНЯ В НЕВОЛЕ

Я должна спасти свой дом

Лоес Моррен

Боярыня в неволе. Я должна спасти свой дом

«Автор»
2026

Моррен Л.

Боярыня в неволе. Я должна спасти свой дом / Л. Моррен — «Автор», 2026

За три дня до свадьбы я получила письмо от младшего брата моего жениха. Эдвард признался, что влюбился в меня с первого взгляда, и предложил сбежать из-под венца к нему. В ночь перед свадьбой за воротами Уитмор-Холла меня будет ждать экипаж. Достаточно написать одно слово – да.Вот только однажды я уже сказала да его брату. Чарльз обещал погасить отцовский долг после венчания, и я согласилась стать его женой, чтобы спасти родовой дом. Лишь на примерке подвенечного платья я узнала, что в день свадьбы он рассчитывает получить ещё и бабушкину мельницу.С Эдвардом всё началось с одного танца и письма, в котором он спросил, зажила ли моя рука. Я отвечала ему, что повязка больше не нужна, и старательно обходила всё, о чём хотела написать на самом деле. Теперь он первым сказал то, что я так долго боялась доверить даже бумаге.Я хочу, чтобы он прислал экипаж. Но до полуночи мне нужно найти способ спасти отцовский дом, иначе утром Чарльз потребует уплаты долга.

© Моррен Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 12
Глава 3 18
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Лоес Моррен
Боярыня в неволе. Я должна спасти свой дом

Глава 1

Отец дождался, пока я поднесу ложку ко рту, и сказал, что мы разорены. Суп оказался горячее, чем я ожидала, и я обожгла язык. Я поставила ложку на край тарелки и ещё несколько мгновений думала только о том, как бы взять стакан воды, не нарушив тишины.

— Я хотел дождаться письма из города, — продолжил отец. — Думал, человек, которому мы продали зерно, успеет рассчитаться и я смогу сказать вам об этом за обедом вместе с хорошими новостями. Письмо пришло утром, Элли, и хороших новостей в нём нет.

Мама аккуратно сложила салфетку, хотя до конца обеда было далеко. По четвергам она обычно спрашивала отца, кого позвать в воскресенье, и я успевала назвать двух или трёх человек, прежде чем мне напоминали, что вопрос задан не мне. В тот четверг она спросила, заложен ли дом, и отцовского кивка ей хватило, чтобы подвинуть салфетку под тарелку, словно та мешала ей держать руки на столе.

— После первого плохого урожая я занял на семена, — сказал отец. — После второго пришлось занимать на жалованье и на всё, что требовалось до жатвы. Теперь торговый дом Уитморов требует расчёта, и если денег не будет, они возьмут своё из продажи имения.

— Тогда начнём с того, что сможем продать сами. — Мама протянула руку через угол стола и накрыла его пальцы ладонью. — В синем шкафу стоят два моих серебряных подсвечника, которые я терпеть не могу с самой свадьбы. Если ты предложишь начать со столового серебра твоей матери, нам придётся ссориться ещё и из-за того, чем я буду кормить тебя в следующее воскресенье.

Отец попробовал улыбнуться и под её рукой медленно разжал пальцы. Он сказал, что думал продать лошадей, скот и всю мебель, за которую дадут сколько-нибудь приличные деньги, а заодно предложить арендатору выкупить запас сена. Мама попросила его назвать сумму, которой тогда будет недоставать, и он отнял руку, чтобы развернуть письмо, лежавшее под его прибором всё это время.

Утром мы с мамой выбирали ткань на новые шторы для столовой. Я настаивала на светлой зелени и держала лоскут у окна, пока она ходила от буфета к камину и говорила, что за обедом мы все будем казаться больными. Теперь зелёный лоскут торчал из моего кармана, и я никак не могла решить, что глупее — вынуть его при родителях или продолжать держать на нём руку, будто там лежало что-то драгоценное.

Мне вдруг захотелось сказать отцу, что мне всё равно, какого цвета будут шторы. Я представила, как завтра увижу в коридоре людей, которые станут открывать наши шкафы и щупать обивку стульев, прежде чем назвать цену. На одном из этих стульев, под самым сиденьем, я в детстве вырезала своё имя отцовским перочинным ножом, и только теперь сообразила, что ни разу ему в этом не призналась.

Мама спросила, кому отец собирается поручить опись, и сразу добавила, что возьмётся за неё сама. Она велела ему после обеда принести чернила в малую гостиную, где ещё оставалось достаточно угля, и пообещала, что к вечеру у них будет хотя бы список вещей. Отец ответил, что приготовит отдельный лист для тех, кому следует заплатить прежде, чем скот и мебель увезут со двора.

Тут за окнами застучали копыта, причём лошади шли слишком быстро для нашего разбитого подъезда. Отец повернул голову к окну, а мама машинально поправила воротник, как делала перед приходом гостей. Наш Уилл, которому полагалось ждать за дверью, вбежал в столовую, хватая ртом воздух, и объявил, что у крыльца остановился экипаж мистера Чарльза Уитмора.

— Он спрашивал меня? — Отец сложил письмо вдвое, потом ещё раз, поперёк старого сгиба. — Подожди, Уилл, дай мне самому его встретить. Элли, пойдёмте со мной обе, я думаю, так будет лучше.

У крыльца стояли две гнедые лошади, и от их мокрых спин поднимался пар. Кучер соскочил с козел, но дверца уже отворилась, и мистер Уитмор, отыскивая ногой подножку, чуть не вывалился ему на руки. Гость был невысок и так полон, что, спустившись, сперва принялся расправлять жилет на животе и только потом взял у кучера трость.

Отец поклонился, мы с мамой присели в реверансе, а мистер Уитмор тем временем запрокинул голову и осмотрел крышу. Водосток на углу провис после зимней бури, и я почти видела, как он прикидывает, во что обойдётся заменить крепления. От крыши его взгляд переместился к амбарам, затем к мельничной дороге, по которой в это время шёл домой старый Джозеф с мешком отрубей за плечами.

— Отсюда даже колесо видно, мистер Эшфорд. — Гость сделал два шага в сторону и поставил трость на край мокрой ступени. — В августе у вас хватает воды на полный день работы? Я проезжал здесь прошлым летом и видел, что у соседей выше по течению русло обмелело.

— Вы проезжали после того, как они спустили свой пруд, — ответила я прежде, чем отец успел открыть рот. — У нас вода держится, если следить за затвором. Мы сами чистим подводящий рукав, иначе в сухую погоду всё, что приносит сверху, остаётся у нашего колеса.

Мистер Уитмор повернулся ко мне так быстро, что наконечник его трости соскользнул со ступени. Он спросил, всегда ли я сама слежу за затвором, и я ответила, что за ним следит мельник, а я плачу ему за работу и потому люблю знать, за что плачу. Тогда он посмотрел мне прямо в лицо и подмигнул, будто я только что удачно выторговала у него пенни и он находил это забавным.

— Моя дочь Виктория, — сказал отец, хотя я была уверена, что гость прекрасно знал моё имя. — Мельница принадлежала её бабушке, и девочка с детства проводила там больше времени, чем нам с женой хотелось бы. Прошу вас в дом, здесь с реки тянет сыростью.

— Сухой сюртук найдётся у меня в карете, если понадобится. — Мистер Уитмор снял шляпу перед мамой, теперь уже с безукоризненной учтивостью. — Моя мать, кстати, помнит вас по обеду у леди Флетчер. Она до сих пор рассказывает, как вы поменялись местами с её соседкой, когда поняли, что та весь вечер не даёт ей вставить ни слова.

В передней отец взял у гостя шляпу и сам положил её на столик. Когда он предложил пройти в кабинет, мистер Уитмор с готовностью согласился, но успел спросить, всё ли ещё у нас подают яблоки с гвоздикой, как при покойной миссис Эшфорд. Мама ответила, что яблоки будут осенью, и пожелала ему приятной беседы с таким достоинством, словно он приехал просить её о снисхождении.

Я хотела вернуться к обеду хотя бы затем, чтобы наконец выпить воды, но отец подозвал маму к двери кабинета. Он попросил собрать для гостя всё лучшее, что у нас есть, и подать угощение примерно через час. Мама спросила, намерен ли мистер Уитмор остаться так надолго, и отец ответил, что ему самому понадобится не меньше часа, если разговор пойдёт так, как он надеется.

— Мистер Уитмор всё равно знает, в каком мы положении, — сказала я, когда отец скрылся в кабинете. — Если ему захочется увидеть достаток, он мог бы начать с того, чтобы не требовать от нас столько денег. Зачем ему ещё и обед?

— Твой отец попросил накормить человека, которого пригласил под нашу крышу. — Мама повела меня по коридору, и только за поворотом я заметила, как сильно она стискивала связку ключей. — Пусть хотя бы в этом он сегодня сможет поступить, как привык. А мы с тобой посмотрим, что у нас есть, и постараемся обойтись без чудес.

В кухне пахло супом, который нам так и не довелось доесть, и на столе стояла миска с очищенным луком. Миссис Прайс вытирала руки о передник и ждала указаний, глядя на маму поверх очков. Мама оглядела стол, припомнила, что накануне кладовую запирала сама, и попросила меня принести из амбара свежие яйца и солонину с верхней полки, за мешком крупы.

Я знала, какой кусок она имела в виду. Ещё зимой, когда мы переносили туда запасы, мама сказала, что этот свёрток тронут только в чёрный день, и я спросила, как мы узнаем, что день уже достаточно чёрный. Она тогда пообещала, что скажет мне сама, и теперь, вкладывая ключ мне в руку, глядела куда-то поверх моего плеча, словно видела за мной ту прежнюю девочку, с которой было так просто шутить.

Двор я пересекла в домашних туфлях и на пороге амбара обнаружила, что левый каблук промок насквозь. На полке стояла корзинка с яйцами, принесёнными утром, а под ней сохла дощечка, на которой Джозеф записывал, сколько мешков увезено на мельницу. Я взяла шесть яиц, положила их в подол и полезла на табурет за солониной, придерживая ткань локтем.

Табурет качнулся, и я упёрлась плечом в мешок, испугавшись за яйца сильнее, чем за собственную голову. Мясо лежало в полотне, перевязанном бечёвкой, и оказалось тяжелее, чем я помнила. Спускаясь, я услышала, как снаружи Джозеф зовёт меня по имени, и попросила его открыть дверь пошире, потому что обе руки у меня были заняты.

— Это на обед? — Он подхватил свёрток и с удивлением покосился на яйца, которые я всё ещё удерживала в подоле. — Миссис Прайс утром велела сказать, что у меня с прошлого вторника не записаны два мешка. Я могу зайти к вам с дощечкой, пока вы ещё здесь.

От слов «пока вы ещё здесь» я вздрогнула, хотя Джозеф уже оглядывался на двор и объяснял, что боится снова опоздать к мельнику. Я велела ему оставить дощечку у меня на столе и пообещала сверить её с книгой до вечера. Он пожелал мне удачи с яйцами и ушёл, а я понесла мясо к кухне, прижав его к боку и думая, что два мешка мне хотя бы известно как найти.

— Если пустить вот эту половину на пирог, мистер Уитмор уйдёт сытый и, дай бог, довольный. — Кухарка развернула свёрток и провела ножом поперёк мяса, намечая разрез. — А остальное я порежу тонко и поджарю утром для ребят со двора. Только скажите вашей матушке сами, если ей хотелось, чтобы он съел всё.

— Матушке хотелось, чтобы он поел, — сказала я и подставила миску под яйца. — Сохраните половину, миссис Прайс, и оставьте на утро ещё два яйца. Если он спросит, почему пирог такой маленький, скажите, что я велела сделать корку потолще.

Кухарка фыркнула и подвинула мне стул, чтобы я могла снять мокрую туфлю у плиты. Я посидела там, пока помощница просеивала муку, а миссис Прайс мелко рубила лук и перебрасывалась с ней замечаниями о том, сколько перца кладут в пироги люди, которые никогда не пробовали собственного теста. Минут через десять мама заглянула в кухню, увидела отложенную половину солонины и велела прибавить к завтрашнему завтраку хлеба, если ещё остался вчерашний.

На лестнице я остановилась, чтобы снова натянуть туфлю на пятку. Дверь кабинета приоткрыли, когда Уилл принёс графин, и я услышала, как мистер Уитмор спрашивает, сохранила ли внучка бабушкину печать. Отец ответил, что распоряжаться вещами бабушки я привыкла сама, а гость так тихо сказал, что это большая редкость, что я скорее угадала слова, чем разобрала их.

У себя в комнате я сверила два пропущенных мешка, записала вес и даже успела починить разошедшуюся подкладку кармана. Почти два часа спустя, когда я уже в третий раз начинала читать одну и ту же страницу, во дворе закричали на лошадей. Из окна я увидела, как отец проводил мистера Уитмора к карете, пожал ему руку и остался у ступеней, пока экипаж разворачивался. Гость снял шляпу и поднял глаза к верхним окнам, но я отступила за занавеску прежде, чем он мог меня заметить.

Я ещё смотрела на следы колёс, когда отец позвал меня снизу. Голос у него был обыкновенный, и по дороге в малую гостиную я успела вообразить, что мистер Уитмор согласился подождать до следующего урожая и теперь мы будем решать, сколько коров оставить. В гостиной отец стоял у камина, опершись на полку, а мама сидела у окна и держала на коленях лист, исписанный её мелким хозяйственным почерком.

— Он согласился отложить взыскание, — сказал отец. — И готов закрыть весь долг, когда будет исполнено одно условие. Я попросил его оставить бумаги и дать нам поговорить, прежде чем он получит ответ.

Я спросила, сколько у нас времени, и отец назвал срок, о котором они условились, — до свадьбы. Слово прозвучало так буднично, что я сперва подумала о какой-то свадьбе в семье Уитморов и попыталась вспомнить, не засылал ли кто-нибудь сватов к его сестре. Потом увидела, что мама смотрит на меня, и мне стало неловко оттого, что приходится просить отца договорить.

— Он хочет на тебе жениться, Виктория. — Отец снял руку с каминной полки и сунул её в карман. — До венчания он обязуется оставить дом за нами, а после него выдаст мне расписку о полном погашении. Я сказал, что могу передать предложение и только.

— Нет, — ответила я так громко, что сама услышала, как отозвалась пустая решётка камина. — Пусть выдаёт свои расписки тому, кто захочет его поцеловать. Я едва выдержала четверть часа с ним на крыльце, а теперь должна просыпаться рядом с ним каждое утро?

— Ты можешь отказаться, — сказал отец. — Я не дам ему твоего согласия за тебя. Мне следовало сказать это сразу, как только ты вошла.

— И я поддержу тебя, — сказала мама. — Я успела подумать, что у мистера Уитмора хороший дом и что тебе там будет тепло даже в январе. Потом вспомнила, как ты выглядела сегодня на крыльце, когда он тебе подмигнул. Если ты скажешь, что разговор окончен, я сама напишу ему об этом.

Мама взяла со стола чистый лист и расправила его ладонью. Я знала, что она напишет, потому что видела, как она отказывала людям в одолжениях, которых те ещё даже не успели попросить прямо. Она уже потянулась за чернильницей, и я поймала себя на том, что с нетерпением жду скрипа её пера. Потом я увидела, куда мама отодвинула опись, и спросила, можно ли мне прочитать её прежде, чем мы отправим ответ.

Первые строки дались легко, поскольку мать начала с обещанных подсвечников. Ниже шли две лошади, коровы по мастям, большой буфет, дедов письменный стол и дюжина стульев, которым она из осторожности назначила цену за весь набор. На втором листе обнаружились жалованье, уголь и сумма, которую предстояло оставить на переезд, если дом придётся освободить. Мама даже посчитала, сколько стоит нанять повозку с человеком, способным разобрать её кровать.

— А Джозеф? — Я нашла его имя ближе к концу, вместе с именами тех, кто жил в домиках у дороги. — Я сегодня исправила для него счёт за два мешка. Если продадут имение, новый хозяин сможет выгнать его из дома?

— Его работу на мельнице можешь оставить за ним ты, — ответил отец. — Что до домика, его сдавали вместе с работой на нашем дворе, и кто придёт после меня, будет решать сам. Я хочу заплатить людям всё, что им причитается, чтобы они успели поискать место. Тут я больше ничего обещать не могу.

Я попросила отца дать мне требование торгового дома, хотя от вида ровных столбцов мне уже хотелось отодвинуть опись. Он положил письмо рядом и показал, где была обозначена сумма с процентами. Я пересчитала её дважды и спросила, где запись о платеже за зерно, про который он говорил за обедом. Отец провёл пальцем по пустому месту под последней строкой и сказал, что именно такой записи надеялся дождаться.

— Можно продать мою мельницу, — сказала я, всё ещё водя глазами по цифрам. — Она работает, и бабушка всегда говорила, что за хорошее колесо дадут цену, если хозяин умеет ждать. Может быть, кто-нибудь купит её быстро, если мы уступим.

— Быстро дадут столько, сколько считают нужным, — сказал отец. — Мы можем спросить, если ты захочешь. Но тогда ты лишишься своего заработка, а на дом всё равно может не хватить. Я предпочёл бы продать свои вещи, прежде чем ты начнёшь распродавать свои.

Я подняла глаза на отца и увидела, что он держится за тот самый стул, под сиденьем которого я вырезала имя. Он принёс его из столовой для мамы, когда она села составлять опись, и ножки оставили на ковре две неглубокие борозды. Я представила его с этим стулом в чужом доме и впервые за весь день спросила себя, сколько он готов потерять, чтобы мне не пришлось делать того, о чём он только что попросил.

— Если я соглашусь, он правда оставит имение за нами? — Я увидела, как мама вынула перо из чернильницы и подержала его на весу, чтобы капля стекла обратно. — Мне нужно увидеть это на бумаге, папа. И я хочу знать, когда он даст расписку, чтобы вы потом не ждали её до следующего Рождества.

Отец сказал, что в бумаге указан срок отсрочки и что мистер Уитмор подписал её в двух экземплярах. Мама поставила перо и подошла ко мне так близко, что я заметила крошечное пятно чернил у неё на подбородке. Мне стало трудно смотреть ей в лицо, и я принялась стирать пятно краем своего платка, пока она тихо просила меня не торопиться из-за двух листов, которые ещё утром были чистыми.

— Я успела подумать и про него, и про себя, — сказала я. — Мне по-прежнему хочется, чтобы он убрался подальше со своим предложением. Но если его слово в самом деле позволит вам остаться здесь, я соглашусь. Скажите ему, что я прочту бумаги, прежде чем мы назначим день.

Мама закрыла глаза и на мгновение прижала мою руку к щеке вместе с платком. Отец долго смотрел на конверт мистера Уитмора и наконец перевернул его адресом вниз. Когда он спросил, уверена ли я, мне пришлось признаться, что уверенности у меня хватит самое большее до ужина, а потому я хотела бы знать, что нужно делать сейчас.

Мама позвала меня наверх и попросила Уилла принести дорожный сундук из чулана. Я подумала, что она хочет просто занять руки, и лишь у себя в комнате, увидев, как она достаёт с полки запасные чулки, спросила, когда мне придётся ехать. Она сказала, что отец сейчас принесёт бумаги и ответит на это сам, а ей пока хотелось бы узнать, куда я задевала ключ от сундука.

Я нашла ключ в шкатулке с нитками, и мы с мамой перебрали три платья. Жёлтое мама забраковала потому, что оно требовало светлых перчаток, а на моих светлых перчатках осталось пятно от ореховой скорлупы. Я выбрала тёмно-синее и попросила оставить его на спинке стула до утра. В нём можно было знакомиться с матерью жениха и при этом не придерживать рукав каждый раз, когда берёшь чашку.

— В сундук ещё шаль поместится. — Я села на край кровати и взяла чулок, который мама только что свернула. — Можно мне завтра взять твою серую шаль? Ту, что ты носишь в саду, даже если обещаешь мне всего на минуту выйти.

Мама тут же ушла за шалью, а я аккуратно сложила чулок и пристроила его рядом с остальными. Когда она вернулась, я уже открыла ящик стола и держала бабушкину печать. Бабушка позволила мне впервые приложить её к письму в пятнадцать лет, когда мельник счёл, что девочке можно прислать счёт без веса и цены за мешок. Я тогда залила воском половину страницы, и бабушка заставила меня переписать письмо, прежде чем похвалила за то, что я вообще заметила ошибку.

— Мистер Уитмор сегодня спрашивал про печать. — Я показала маме маленькую медную ручку, отполированную бабушкиными пальцами. — И на крыльце он первым делом спросил, как у нас с водой в августе. Тебе он что-нибудь говорил о мельнице?

Мама ответила, что при ней он расспрашивал только о бабушкиных яблоках. Она взяла печать, обернула её платком и протянула мне свёрток, чтобы я сама решила, куда его убрать. Туда же я положила тетрадь, хотя на несколько недель могла оставить все расчёты Джозефу и мельнику. Мне хотелось знать, что при необходимости я открою её и найду там работу, которую умею делать.

Отец постучал, когда мы уже застёгивали внутренний ремень сундука. Он принёс отсрочку и остался стоять в дверях, пока я читала её у свечи. Под подписью Чарльза Уитмора стояла сегодняшняя дата, а в самом тексте говорилось, что при нашем согласии взыскание отложат до утра после венчания. Обещание погасить долг отец показал мне в отдельном письме, и оба листа я попросила оставить на столе, чтобы ещё раз прочесть утром.

— Он хочет прислать экипаж завтра, сразу после завтрака, — сказал отец. — Ему надо уехать по делам, и он считает, что так у тебя будет время познакомиться с его матерью и сестрой до его возвращения. Я могу попросить, чтобы они сначала навестили нас здесь.

Я посмотрела на сундук, на синее платье и на серую шаль, которую мама по привычке повесила на спинку кресла, поближе ко мне. Ещё час назад отцовское предложение показалось бы мне разумным, но теперь я знала, что проведу лишний день, прислушиваясь к каждому экипажу на дороге. Я попросила его ответить, что буду готова после завтрака. Потом добавила, что мне хотелось бы утром увидеть его за столом, пусть даже придётся есть очень рано.

Когда отец ушёл, мама достала из моего стола стопку писчей бумаги и убрала её в сундук. Она попросила писать обо всём, даже если мне захочется сообщить только, что по дороге отвалилось колесо или мне подали противный чай. Потом села рядом и сказала, что, если я изменю решение, можно начать письмо прямо с просьбы приехать за мной. Она сумеет найти лошадь и тогда, когда нашу лучшую пару уведут со двора.

Я придвинулась к ней так близко, что плечом столкнула шаль со спинки кресла. Мы обе наклонились за ней и стукнулись лбами, после чего мама засмеялась, а я, пока мы смеялись, успела поплакать у неё на плече. Когда она ушла, я сложила шаль поверх платья и оставила свечу гореть ещё немного, чтобы из коридора она видела свет под дверью.

Из кухни донёсся голос миссис Прайс, которая просила кого-то убрать с плиты сковороду до утра. Я вспомнила про оставленную солонину и решила, что спущусь завтракать пораньше, пока за столом ещё можно будет сесть на своё место. Потом я проверила, легко ли открывается сундук, и положила ключ рядом с бумагами мистера Уитмора. Прежде чем погасить свечу, я снова потянулась за ключом и сжала его в ладони.

Глава 2

За завтраком отец сидел на своём месте и чистил для меня яблоко. Он снимал кожуру одной длинной лентой, как делал в детстве, когда мне случалось слишком долго плакать из-за разбитой коленки. Рядом с его тарелкой лежали бумаги Чарльза Уитмора, которые я перечитала перед тем, как спуститься, и с тех пор мы оба старались не положить на них локоть.

— Миссис Прайс оставила солонину ребятам со двора, — сказал он. — Мне пришлось выменять у неё два ломтика на обещание самому принести уголь к вечернему чаю. Если тебе будет невкусно, доешь хотя бы яблоко, потому что я с утра слишком много всего пообещал.

Я положила ломтик на хлеб и съела его до последней крошки. Мама, сидевшая у окна с моей дорожной шляпкой на коленях, следила, чтобы я не торопилась, хотя сама уже дважды выходила узнать, видна ли карета. Когда отец подвинул ко мне яблоко, я разрезала его и одну половину положила маме на блюдце.

— Я буду писать, — сказала я, потому что с самого утра мы говорили о еде и погоде и ни разу о том, что будет после завтрака. — На первое письмо можешь не отвечать длинно, мама. Просто скажи, что получила его, и напиши, отдал ли папа кухарке уголь.

Отец отложил нож, собираясь что-то сказать, но в ту же минуту Уилл выглянул в окно передней и сообщил, что экипаж уже у поворота. Мама поставила блюдце с яблоком на подоконник и завязала мне ленты под подбородком. Правая вышла длиннее левой, и она заметила это только тогда, когда я сама взяла её руки и опустила их.

На крыльце кучер спросил, готов ли багаж, и Уилл вынес мой сундук. Я придержала крышку, пока он просовывал под ремень верёвку, и вспомнила о печати, завёрнутой в платок между тетрадью и бельём. Ключ лежал в кармане синего платья, и я проверила его ещё раз, прежде чем отец подал мне руку у подножки.

— Если захочешь домой, напиши нам прямо, — сказал он, придерживая дверцу. — И, пожалуйста, не жди, пока нам станет удобно за тобой приехать. Я уже слишком долго ждал удобного дня, чтобы сказать вам про долг.

Я кивнула, и он отпустил дверцу. За первыми деревьями мне пришлось выпрямиться на сиденье, чтобы ещё раз увидеть крыльцо. Мама подняла руку, а отец стоял рядом без шляпы и всё ещё держал в пальцах нож, которым чистил яблоко.

Мы ехали вдоль реки, и с дороги на короткое время открылся вид на мою мельницу. У затвора стоял Джозеф и показывал мельнику что-то на длинной жерди, а на перилах сушились два мешка, которые он, должно быть, вымыл после помола. Я прижалась лбом к стеклу и проводила колесо взглядом, пока оно не скрылось за поворотом.

Первый час я всякий раз оборачивалась на звяканье пряжек, потому что привыкла ездить с кем-нибудь, кому можно было указать на смешную собаку или спросить, долго ли ещё до остановки. Кучер разговаривал только с лошадьми, причём к левой обращался по имени и чаще, чем к правой. Когда мы замедлили ход перед воротами Уитмор-Холла, я уже знала, что её зовут Молли и что она любит срезать повороты.

За воротами тянулась ровная гравийная аллея, вдоль которой молодые липы стояли на одинаковом расстоянии друг от друга. Там, где аллея раздваивалась, из каменной чаши бил фонтан, и ветер перебрасывал воду через низкий бортик прямо под колёса. За домом виднелась стеклянная крыша зимнего сада, а у одного из окон, открытого на подпорке, я разглядела лимонное дерево с жёлтым плодом у самого стекла.

Мне представилось, что будущую хозяйку такого дома проведут наверх и покажут, откуда лучше всего виден сад. Я даже придумала, как попрошу разрешения написать маме, пока остальные распоряжаются насчёт чая. Карета остановилась перед широкой лестницей, и, пока я поправляла перчатки, слуга снял сундук и понёс его вокруг дома, к низкой боковой двери.

Я окликнула слугу, решив, что он принял мой сундук за чью-то кладь. Он остановился, придержал покачнувшуюся ручку и сказал, что ему велено отнести вещи мисс Эшфорд именно туда. Прежде чем я успела спросить кем, на верхней ступени показалась женщина в лиловом платье, и слуга поспешил дальше.

— Мисс Эшфорд, я Маргарет Уитмор, мать Чарльза. — Она дождалась, пока я поднимусь, и протянула мне руку в тонкой кружевной перчатке. — Моя дочь Сесилия сейчас присоединится к нам. Надеюсь, дорога была сносной, потому что мой сын счёл необходимым отправиться по ней в другую сторону ещё до вашего выезда.

Маргарет говорила с улыбкой, и мне понадобилось мгновение, чтобы понять, что Чарльза в доме нет. Она объяснила, что судно с зерном пришло раньше срока и ему придётся провести в разъездах не меньше недели. Тут из передней вышла Сесилия с карандашом за ухом, сняла его на ходу и, не найдя кармана, вложила в сложенный лист, который держала в руке.

— Утром брат сказал, что, если повезёт, он управится за пять дней, — заметила она. — Чарльзу всегда везёт ровно настолько, чтобы его письма приходили позже обещанного. Я велела приготовить вам горячей воды, мисс Эшфорд, и надеюсь, он хотя бы догадался велеть кучеру постелить плед.

— Плед был, благодарю вас. — Я оглянулась на дорожку, где слуга уже скрылся за углом. — А сундук, кажется, понесли через двор. Если в нём что-нибудь звенит, это моя вина, и я была бы рада сама посмотреть, всё ли доехало целым.

— Сейчас посмотрите. — Маргарет пошла впереди, и я заметила, что она слегка придерживает ладонью связку ключей у пояса, чтобы та не звенела. — Мы устроили вас поближе к хозяйственным комнатам. Пока Чарльза нет, у вас будет время увидеть, как у нас всё заведено, и решить, что вы пожелаете взять на себя после свадьбы.

По пути мы миновали открытую гостиную с двумя диванами под одинаковыми чехлами и лестницу, на которой три человека могли бы разойтись, не задев друг друга. Сесилия открыла дверь под лестницей, и мы прошли по узкому коридору, где ковёр сменился голыми плитами. За стеной кто-то крикнул, что вторая кадка ещё не полна, и Маргарет повысила голос ровно настолько, чтобы пожелать мне доброго отдыха.

Дверь моей комнаты открывалась внутрь и задевала край кровати. Между кроватью и сундуком хватало места, чтобы повернуться боком, а на умывальнике стоял кувшин с тонкой струйкой пара над горлышком. Единственный крючок на двери занимал грубый передник, на котором белела полоска муки, словно его сняли за минуту до нашего прихода.

— Здесь раньше кто-то жил? — спросила я, сняв перчатки и положив их на подоконник. — Если передник нужен вашей кухарке, я могу сейчас отнести его ей. У нас дома миссис Прайс не стала бы искать его молча, и я вижу, что стены здесь достаточно тонкие, чтобы я узнала об этом первая.

— Передник оставили вам, — ответила Маргарет и сама сняла его с крючка. — Сесилия покажет, где что лежит, как только вы переоденетесь. Я не стану знакомить вас сегодня с соседями, и за это вы, полагаю, будете мне благодарны.

Я хотела спросить, где мы будем пить чай, но Маргарет уже передала передник дочери. Сесилия положила его на кровать, пообещала дать мне несколько минут и вышла вслед за матерью. Я осталась у двери, держа шляпку за ленты, и услышала, как совсем близко за стеной поставили на пол ведро и кто-то попросил подвинуться.

Я повесила шляпку на освободившийся крючок и открыла сундук. Серая шаль лежала поверх белья, а в складках застрял чистый лист, который мама, видимо, подсунула туда отдельно от остальной бумаги. Я разгладила его о крышку и решила, что первым делом напишу про лимонное дерево, потому что мама всегда хотела увидеть, как лимоны растут на ветках.

Когда Сесилия вернулась, я успела вымыть руки и убрать печать с тетрадью под бельё. Она окинула взглядом моё платье, посоветовала надеть то, которое можно испачкать, и вынула

из-за двери пару грубых башмаков. Один был шире другого и так сильно загибался на носке, что я невольно поискала глазами его прежнюю хозяйку.

— Мы собираемся куда-то, где много грязи? — спросила я. — Если речь о прогулке, у меня есть свои ботинки. Правда, их придётся вынуть со дна сундука, а вы, кажется, торопитесь.

— Свои вам ещё пригодятся. — Сесилия переставила башмаки к кровати носками к двери, точно я уже согласилась в них обуться. — Наденьте что-нибудь попроще и возьмите передник. Я подожду в коридоре, пока вы закончите.

Я переоделась в старое коричневое платье, в котором обычно ходила на мельницу в дождь. Передник пришлось обернуть вокруг талии дважды, а в левый башмак я сунула платок, чтобы нога не выскальзывала. Прежде чем выйти, я спрятала лист под подушку, поскольку на подоконнике уже осела пыль от угля, который ссыпали по ту сторону стены.

Сесилия повела меня через двор мимо поленницы и двух прачек, выжимавших простыню над кадкой. У дальней постройки она подняла щеколду, и меня обдало тёплым запахом навоза, мокрой соломы и корма. Внутри корова тянула из кормушки сено, причём всякий раз, как ей удавалось вытащить охапку, я слышала её тяжёлое довольное дыхание.

— Два стойла, — сказала Сесилия и показала на лопату у двери. — Сгребёте всё в тачку и отвезёте за сарай, там навозная куча. Сухая подстилка лежит в проходе, а если вам потребуется ещё, попросите кого-нибудь открыть сенник.

Я посмотрела на лопату, потом на неё, ожидая хотя бы объяснения, куда денутся коровы. Сесилия вынула из кармана тот самый карандаш и заправила его за ухо. Лишь когда я осталась стоять на месте, она взяла лопату за черенок и протянула мне так, чтобы я могла сразу приступить.

— Я готова помогать, мисс Уитмор. — Я оставила руки на завязках передника, и лопата на мгновение повисла между нами. — Если у вас заболел работник, скажите мне об этом, и мы вместе решим, за что я могу взяться. Пока я понимаю только, что меня привезли знакомиться с семьёй, а вы даже не спросили, успела ли я поесть.

— Если бы я искала работника, я бы спросила, умеете ли вы держать лопату, — сказала Сесилия. — Брат привёз вас в дом на своё содержание, и до свадьбы здесь у вас ровно столько прав, сколько у любой гостьи, которая приехала без приглашения хозяйки. Чарльз обещал вашему отцу списать долг после венчания, мисс Эшфорд. Вы, кажется, успели забыть, что до венчания ещё надо дожить.

На мгновение мне захотелось отдать ей передник, пойти за сундуком и попросить кучера отвезти меня обратно. Я даже посмотрела в сторону двора, где ещё час назад видела его у боковой двери, но теперь на том месте стояли кадки прачек. Сесилия подождала, пока я приму лопату, и ушла, по дороге велев прачкам перевесить простыню на дальнюю верёвку.

Я толкнула тачку к первому стойлу и на ровном месте задела колесом порог. Пока я её разворачивала, корова повернула голову и принялась жевать, глядя на меня большим влажным глазом. Дома я видела, как чистят стойла, и никогда прежде не задумывалась, отчего человек с лопатой сперва говорил с коровой, а потом уже подходил к её задним ногам.

Я решила начать с мокрой соломы у перегородки, где мне, как я тогда думала, ничего не угрожало. Лезвие лопаты скребнуло по камню, корова вздрогнула и ударила копытом так близко, что я почувствовала толчок по черенку. Я отпрянула, зацепилась широким башмаком за край кормушки и опустилась на одно колено прямо в то, что собиралась убрать.

Мне понадобилось несколько вдохов, прежде чем я сумела встать. Я думала, что Сесилия вернётся хотя бы показать, с какой стороны подходить к животному, но снаружи слышались только прачки, обсуждавшие ветер. Никто здесь не спросил меня, что я умею, и никто, похоже, не сомневался, что я возьму лопату, если при мне произнесут слово «долг».

Корова снова двинулась, а я, прижимаясь к перегородке, сообразила, что тачка стоит между мной и дверью. Я потянула её на себя и тут услышала женский голос, который попросил

меня оставить колесо в покое. Через низкую дверцу с другого конца коровника вошла девушка с ведром, и корова сразу подняла к ней голову.

— Стойте у перегородки, там она вас видит. — Девушка поставила ведро под нос корове и подождала, пока та уткнётся мордой в корм. — Теперь отпустите ручку тачки, а то вы её на себя опрокинете. Когда я отведу корову, сможете выйти тем же путём, каким вошли.

У неё были рыжеватые брови и широкие запястья, на одном рукав был подвязан обрывком тесьмы. Она сняла привязь и, пятясь с ведром, увела корову в пустой загон за коровником. Я тем временем поставила тачку на обе ножки и выбралась в проход, стараясь смотреть на свои колени только тогда, когда девушка отворачивалась.

— Вас ведь прислали мне на помощь? — спросила я, когда она вернулась за лопатой. — Я предупрежу мисс Уитмор, что вы оторвались от своей работы по моей вине. Мне следовало сперва узнать, как вывести корову.

— Бесс Миллер, — сказала она, вытирая ладонь о юбку. — Меня отправили за вёдрами, а за вами я зашла сама, потому что услышала, как лопата стукнула о камень. Если станете рассказывать мисс Уитмор, по чьей вине я оторвалась от работы, скажите уж заодно, что я задержалась здесь по своей воле.

Я представилась, хотя по её лицу было видно, что новости о моём приезде уже добрались до коровника. Бесс оглядела мои ладони и заметила красную полосу поперёк пальцев там, где я слишком крепко держала черенок. Она принесла с гвоздя пару кожаных рукавиц, вывернула одну и вытряхнула из неё соломинку, прежде чем передать мне.

— Тут главное знать, куда поставить ноги, — сказала Бесс. — Если придётся пройти мимо коровы в тесном месте, сперва заговорите с ней и подойдите с той стороны, где она вас видит. А пока можете говорить что угодно, я нарочно вывела её за дверь и закрыла засов.

— Даже то, что я терпеть не могу этот дом? — Я натянула рукавицы и с удивлением обнаружила, что пальцы в них почти не сгибаются. — Я, пожалуй, начала бы с этого. Только корова здесь пока единственная, у кого был повод на меня сердиться, а её я предпочла бы не обижать.

Бесс посмотрела на грязное колено моего платья, и уголок её рта дрогнул. Она показала, как снять верхний слой подстилки с одного края, чтобы лопата не врезалась в пол, и придержала тачку, пока я сбрасывала в неё первую порцию. Со второй попытки мне удалось попасть внутрь целиком, и Бесс сказала, что за это достижение мне полагается право самой отвезти тачку к куче.

Я вернулась из-за сарая и нашла её у другого стойла, где она поправляла привязь второй коровы. Ей пришлось сделать несколько шагов назад, и тут я увидела, что она бережёт левую ногу. Она заметила мой взгляд и объяснила, что с рассвета таскала воду в прачечную, а каблук, набитый ещё вчера, начал болеть сильнее, когда башмак намок.

— Где вы держите чистую солому? — Я поставила тачку ближе к стене, чтобы оставить ей проход. — Пока вы управляете коровами, я могу убрать и во втором стойле, а потом привезти подстилку. На ровном месте я теперь способна проехать целых три шага, не задев порога.

— Две охапки за раз, иначе сыплется под колесо, — ответила Бесс. — Я выведу рыжую, а вы возьмите солому из прохода и оставьте её возле двери, пока не выгребете всё мокрое. Потом пойдёте со мной за водой, если я ещё смогу смотреть на вёдра.

Когда я вернулась с подстилкой, Бесс уже вывела вторую корову и сидела на перевёрнутом ведре, растирая щиколотку. Я сказала, что подержу дверь и дождусь её, сколько потребуется, а она велела мне сначала перевязать распустившийся шнурок на башмаке. Мы успели убрать оба стойла и выровнять солому прежде, чем во дворе снова послышался голос Сесилии.

Та остановилась в дверях и спросила, почему в коровнике работают двое, если она оставила здесь одну. Я ответила, что Бесс вывела животных, а я убрала стойла, и спросила, куда поставить лопату, чтобы завтра её мог найти тот, кому она понадобится. Сесилия посмотрела

на сухую солому, потом на моё платье, указала на гвоздь у двери и велела к вечеру вернуть башмаки, если они мне велики.

Мы дождались, пока её шаги стихнут. Бесс, как оказалось, видела мой приезд из окна кухни и сказала, что поклон корове вышел куда глубже реверанса на крыльце. Я возразила, что меня ещё вчера следовало познакомить с коровой, тогда бы она имела возможность подготовиться, и впервые за день рассмеялась так громко, что рыжая за перегородкой перестала жевать.

Бесс проводила меня к насосу, где мы отмыли рукавицы, а потом дала щётку и показала, как счистить грязь с подола, пока та не засохла. Я предложила отдать ей сухую пару чулок из моего сундука, если она зайдёт за ними позже. Она согласилась при условии, что я не заставлю её надевать чулки передо мной, потому что не всякая дружба способна пережить знакомство с её пятками.

Когда я вернулась в комнату, солнце уже ушло с подоконника, а на кровати кто-то оставил поднос с хлебом, сыром и остывшим чаем. Я съела всё, не снимая передника, и только потом достала из-под подушки лист. Первую строчку про лимонное дерево я написала такой ровной рукой, что мама, увидев её, наверняка решила бы, будто я провела день в гостиной.

Дальше я описала лестницу, по которой меня не повели, и комнату, в которой дверью можно задеть кровать. Потом написала про лопату и про то, как мне напомнили о долге, когда я попросила обращаться со мной как с гостьей. На словах о корове пришлось положить перо, потому что ладонь ныла, и за эту паузу я успела представить, как мама дочитает до грязного колена, встанет из-за стола и пойдёт искать лошадь.

Я всё-таки дописала письмо. Рассказала, как Бесс вывела обеих коров, и попросила маму прежде всего ответить, может ли Чарльз отменить отсрочку, если я вернусь домой до его приезда. Слов «приезжай за мной» я пока не написала, но оставила для них место внизу, между последней строкой и подписью.

Я ещё ждала, пока высохнут чернила, когда постучала Маргарет. В руках она держала ключ от шкафа с постельным бельём и сказала, что я могу попросить у кухарки второе одеяло, если ночью мне будет холодно. Потом её взгляд задержался на листе, и она спросила, успела ли я написать своим.

— Как раз закончила, — ответила я и накрыла письмо чистым листом. — Мне бы хотелось узнать, куда его отнести, чтобы оно ушло сегодня. Я обещала матери сообщить, как доехала, и она ждёт.

— Положите в корзинку на столике у двери конторы. — Маргарет опустила ключ в карман и расправила пальцем край подноса, под которым застряла хлебная крошка. — Семейные письма мы оставляем незапечатанными, иначе управляющему приходится открывать каждое, чтобы разложить их по адресам. После ужина он вложит ваше письмо в общий пакет.

— Я могу надписать адрес снаружи. — Я подняла чистый лист и положила его рядом, чтобы показать, как собираюсь сложить письмо. — У нас дома так делали, когда отправляли несколько писем сразу. Вашему управляющему останется только прочесть имя.

— Положите его в корзинку, как я сказала, Виктория. — Маргарет впервые назвала меня по имени и улыбнулась так же приветливо, как на верхней ступени. — В одном доме гораздо проще жить, когда у всех один порядок. Надеюсь, к ужину вы успеете к нему привыкнуть.

Она вышла, а я подождала, пока её шаги стихнут в коридоре, и сложила письмо так, чтобы не смазать последние слова. Меня тревожила мысль, что завтра мать получит новости, которые я сама же сделаю безопасными для прочтения в чужой конторе. Но оставить её без весточки после обещания за завтраком я тоже не могла, поэтому взяла новый лист и написала, что доехала благополучно, что у дома есть фонтан и что мистер Уитмор вернётся примерно через неделю.

Короткое письмо я отнесла к конторе, где в плоской плетёной корзине лежали ещё два сложенных листа. Адрес всё-таки написала снаружи и задержалась у столика, пока из соседней двери не вышла Сесилия. Она спросила, всё ли готово, и я ответила, что положила письмо сверху, после чего пошла к себе, стараясь не прислушиваться к шороху бумаги за спиной.

Длинное письмо я спрятала в сундук под тетрадь мельничных расчётов. Ключ всё ещё лежал в кармане синего платья, и я нашла его там вместе с лоскутом зелёной ткани, который со вчерашнего дня так и не вынула. Я обернула ключ лоскутом, чтобы он не звенел, и успела убрать его в карман коричневой юбки как раз перед тем, как в дверь тихонько постучали.

Пришла Бесс с вымытыми рукавицами, которые принесла сушить у кухонной плиты. Я отдала ей чулки и спросила, идёт ли она к конторе, потому что хотела бы знать, забрал ли управляющий пакет. Бесс не сразу ответила и, прежде чем заговорить, переставила поднос с кровати на умывальник, и прикрыла дверь.

— Я шла за счётом на уголь, когда вы оттуда вышли, — сказала она. — Мисс Сесилия развернула верхний лист и прочла его прямо у стола. Потом сложила и положила обратно так аккуратно, что вы бы ничего не заметили.

— Там было три строчки, и одна из них про фонтан. — Я достала из кармана ключ и покатала его в ладони, чувствуя сквозь ткань зубцы. — Теперь я думаю, что бы она сделала, если бы там было всё остальное. И как мне написать домой так, чтобы письмо дошло до мамы первым?

— По рыночным дням я отвожу корзины в город, — сказала Бесс. — За мясными рядами есть почтовый двор, и там принимают письма прямо у стойки, без нашего управляющего. Нужно надписать адрес разборчиво, а сложить и запечатать можете как вам вздумается.

Она сказала, в какие дни ездит в город, и попросила не оставлять письма на подоконнике, потому что снаружи по утрам моют стёкла. Я объяснила, что пока только хотела узнать, как это делается, и что прежде, чем о чём-нибудь её просить, скажу, для кого письмо и почему не могу отнести его в контору. Бесс сунула чулки за пояс и ответила, что так ей будет легче решить, сможет ли она помочь.

Перед уходом Бесс спросила, когда я в последний раз ела горячее. Я честно сказала, что утром, и она пообещала узнать, остался ли у кухарки суп, но попросила не ждать с ужином, если её задержат у коров. Когда дверь закрылась, я придвинула стул к сундуку и снова достала письмо. Внизу, на месте, оставленном для просьбы приехать за мной, я записала, как найти почтовый двор, чтобы в следующий раз мне не пришлось спрашивать разрешения написать домой.

Глава 3

К концу первой недели в Уитмор-Холле я научилась вынимать яйца из-под наседки, не уговаривая её сойти с гнезда. Бесс показала, куда подложить горсть зерна, и с тех пор рыжая курица сердито клевала мою юбку только в те дни, когда я забывала о плате. С Сесилией этот способ едва ли сработал бы, хотя, когда она однажды нашла в корзине на яйцо больше обычного, я на короткое время почувствовала себя вправе ждать похвалы.

Утром в день возвращения Чарльза мы с Бесс зашивали в прачечной прореху в скатерти. За неделю мы приноровились делать тяжёлую работу вдвоём до полудня, а штопку оставлять на то время, когда кухарка снимала с плиты суп. Сегодня Бесс принесла две миски прямо к окну, где мы сидели, и мне пришлось удерживать вышитый угол скатерти коленом, чтобы он не сполз в мою порцию.

— Когда приедет мистер Чарльз, вас, пожалуй, снова вспомнят у парадного крыльца, — сказала Бесс. — Мне тогда придётся объяснять, почему вторая миска полагается мне даже в те дни, когда у меня нет помощницы. Вы могли бы оставить кухарке записку, что едите за двоих и одну порцию завещали мне.

— Мисс Сесилия нынче утром велела снять чехлы в гостиной, а про меня ничего не сказала. — Я наклонилась к шву, на котором опять сбилась с мелких стежков на крупные. — Может статься, мне предложат ужинать здесь, чтобы я могла по окончании зашить то место, где кто-нибудь из гостей протрёт локтями новую дыру. Тогда обе миски останутся у нас.

Бесс фыркнула и сдвинула свою миску на подоконник. Она распустила три моих последних стежка, сунула иглу обратно мне в пальцы и сказала попробовать ещё раз, пока сама сходит за нитками. Вернулась она с деревянной катушкой и старым кожаным кошельком, который прежде прятала под передником, и выложила на край скатерти несколько монет.

— На прошлой неделе у меня было на два пенса меньше, — сказала она. — Женщина у мясных рядов обещала придержать для меня половину своего места, если я смогу внести плату до конца месяца. Я думаю начать с яиц, а дальше, если найду где покупать масло и не брать его сразу целой бочкой, буду продавать и масло.

Я знала тот рынок только по её рассказам о почтовом дворе. До сих пор мне казалось, что Бесс запоминает, кто где стоит, потому что ей приходится возить туда корзины для кухни, а она, оказывается, давно приглядывала себе место. Я спросила, сколько яиц поместится на половине прилавка и что она будет делать с теми, которые не купят к вечеру.

— Смотря кто спросит, — сказала она. — Если спросит человек, который хочет купить их за полцены, я отвечу, что дома у меня большая семья и всем хочется омлета. А если спрашиваете вы, я надеюсь продавать понемногу и до полудня успевать обойти две улицы, где хозяюшкам лень идти на рынок.

Я взяла карандаш, которым она отмечала места для штопки, и записала на клочке бумаги, сколько уйдёт на плату за место, корзину и первую покупку. Бесс поправила меня там, где я поставила полную цену за перевозку, потому что по средам она могла договориться с возчиком за половину. Когда мы дошли до остатка, оказалось, что с маслом разумнее подождать хотя бы две недели, зато яиц она сможет купить на дюжину больше, чем рассчитывала.

— У меня есть тетрадь для мельничных расчётов, а с конца в ней пустые страницы, — сказала я. — Возьмите её на первый рынок и запишите, сколько за что просят. Потом я помогу перенести ваши цены на отдельные листы, и вы сошьёте себе книжку, если захотите.

Бесс попросила меня сперва закончить шов, потому что никакого доверия к моим обещаниям о переплёте у неё пока нет. Я как раз затянула последний узел, когда в дверях появилась Сесилия и велела убрать из большого амбара пустые корзины, пока их не раздавили колёсами.

К вечеру ожидали не только хозяина, но и несколько повозок, и ей хотелось, чтобы в проезде никто не тратил время на поиски свободного места.

Бесс собрала монеты в кошелёк и успела допить суп в три глотка. Я сложила скатерть швом внутрь и понесла её на кухню, а оттуда вернулась с двумя кусками хлеба, которые мы съели по дороге в амбар. У самого порога Бесс попросила меня никому не рассказывать о прилавке, пока она не внесёт плату, и я впервые подумала, что у нас теперь есть тайна, которая нужна для счастья, а не для того, чтобы пережить ещё один день.

Амбар открыли настежь, но в глубине стоял полумрак и пахло сухим зерном. Корзины свалили поперёк прохода, где два человека с трудом разошлись бы даже без груза. Мы с Бесс начали складывать их одна в другую, пока я не заметила, что нижняя прижата к стене мешком с крупной красной штопкой у горловины.

Штопка была моя, и я узнала бы её даже без кривого треугольника, выведенного сажей на грубой ткани. В ту неделю, когда отец торопился отправить зерно в порт, один из мешков зацепили крюком, и я зашила дыру красной ниткой, оставшейся от починки конской попоны. Треугольником Джозеф метил партию, чтобы возчик не прихватил те мешки, которые мы оставили себе для посева.

По моей просьбе Бесс подложила под мешок планку от разбитого ящика, и вдвоём мы приподняли его ровно настолько, чтобы я могла провести рукой вдоль шва. Ярлык завернулся под завязку и был сухим только с одной стороны, зато имя на нём уцелело. Я прочитала «Сэмюэл Флетчер» и дату отправки, а затем посмотрела на соседний мешок и увидела такой же треугольник.

— Ваши, что ли? — Бесс поставила планку к стене и села на перевёрнутую корзину. — Эти мешки выгрузили прямо сюда, пока ещё стояли утренние заморозки. Мистер Чарльз велел оставить несколько для помола, а остальное отправить дальше, и возчик ругался, потому что пришлось заново делить груз.

— Кому отправить, вы слышали? — Я придержала ярлык ногтем, чтобы он снова не завернулся. — Отец продал всю партию мистеру Флетчеру и велел перевести выручку Уитморам в счёт долга. Дома мы ждали, что платёж появится в расчёте, а он так и не появился.

Я сунула руку в карман и нащупала бумажку, на которой мы только что считали расходы на прилавок. На чистом краю я переписала дату и имя покупателя, а рядом отметила, что видела два мешка со знаком Эшфордов. Одно дело было продать зерно Флетчеру, другое — обнаружить его здесь, и между этими событиями могло уместиться несколько вполне честных сделок. Мне хотелось знать, почему ни одна из них не отразилась в бумагах отца.

— Скажите, если я вам ещё для чего-нибудь нужна. — Бесс подняла корзину и отряхнула с неё солому. — Только, если собираетесь спрашивать хозяина, сперва придумайте, как нашли мешки одна. Я могу отвечать за свою память, пока он не вздумает проверить её вместе с моим жалованьем.

— Если спрошу, скажу только то, что видела сама, — ответила я. — А это пока останется у меня, вместе с вашими расчётами. Смешно, что на одной стороне листка теперь совершенно ясно, куда делись два пенса, а на другой я не могу разобраться, куда ушла выручка за целую партию зерна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.